

- чивость и аномальность текста. – М. : Наука, 1990. – С. 213–225. 11. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с. 12. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация / Г.Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1981. – С. 52–59. 13. Формановская Н.И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом выражении / Н.И. Формановская // Эмоции в языке и речи. – М. : Изд-во РГГУ, 2005. – С. 106–116. 14. Чхетиани Т.Д. Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта / Т.Д. Чхетиани // Прагматические и текстовые характеристики предикативных единиц. – Краснодар : Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1987. – С. 33–42. 15. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – Stuttgart : Kröner, 2002. – 783 S. 16. Grice H.P. Intendieren, Meinen, Bedeuten / H.P. Grice // Handlung, Kommunikation, Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1993. – S. 2–15. 17. Récanati F. Meaning and force: The pragmatics of performative utterances / F. Récanati ; translation of Les énoncés performatifs, published : Paris : Editions minuit, 1981. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 278 p. 18. Sager S.F. Sprache und Beziehung. Linguistische Untersuchungen zum Zusammenhang von sprachlicher Kommunikation und zwischenmenschlicher Beziehung / S.F. Sager. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 488 S. 19. Searle J.R. How Performatives Work / J.R. Searle // Essays in Speech Act Theory. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2001. – P. 85–107. 20. Wunderlich D. Studien zur Sprechaktheorie / D. Wunderlich. – Fr./M. : Suhrkamp, 1976. – 416 S.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

1. Flatow C., Pillau H. Das Fenster zum Flur. Volksstück in fünf Bildern / Curth Flatow, Horst Pillau // Drei Stücke aus Berlin. – B. : Colloquium, 1968. – S. 5–91. 2. Horváth Ö. v. Zur schönen Aussicht / Ödon von Horváth // Spectaculum 18. – Fr./M. : Suhrkamp, 1973. – S. 225–269. 3. Bauersima I., Desvignes R. FILM / Igor Bauersima, Réjane Desvignes // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 13. – Fr./M. : Fischer, 2003. – S. 7–95. 4. Stolper A. Konferenz mit Knarrpanti / Armin Stolper // ders. Die Karriere des Seiltänzers. Neun Erzählungen und ein Stück. – Rostock : Hinstorff, 1981. – S. 49–93.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгород)

В статье рассмотрена межъязыковая референция в романских языках с лингвокогнитивной точки зрения. Структура лексико-семантического поля глаголов демонстрирует межъязыковые эквиваленты, причем при изменении сигнификата возможны сдвиги денотата, что приводит к асимметрии значения.

Ключевые слова: референция, межъязыковой эквивалент, асимметрия, значение, сигнификат, денотат.

С.А. Моїсеєва. Міжмовна рефлексія в аспекті когнітивно-лінгвістичної парадигми. У статті розглянута міжмовна референція в романських мовах з лінгвокогнітивної точки зору. Структура лексико-семантичного поля дієслів демонструє міжмовні еквіваленти, при чому при зміні сигніфікату можливі зсуви денотата, що призводить до асиметрії значення.

Ключові слова: референція, міжмовний еквівалент, асиметрія, значення, сигніфікат, денотат.

S.A. Moiseyeva. Interlanguage reference within linguocognitive paradigm. The article focuses on interlanguage reference in Romance languages from linguocognitive point of view. The structure of verbal lexico-semantic field demonstrates interlanguage equivalents; the change of the significate makes possible the change of the denotatum which results in meaning asymmetry.

Key words: reference, interlanguage equivalent, asymmetry, meaning, significate, denotatum.

На современном этапе развития языкознания актуальной стала тенденция рассматривать явления языка и речи в рамках не одной парадигмы – лингвистической, когнитивной или дискурсивной, а во взаимодействии парадигм лингвистических знаний, которые концептуально дополняют друг друга. При исследовании межъязыковой референции в аспекте лингвистической теории Г. Гийома, что определяет объект и цель статьи, мы обращаемся к когнитивно-лингвистической парадигме, сущность которой

«воплощена» в триноме: концепт – языковой знак – речевой знак. При интерпретации этого комплекса можно выделить две цепи отношений: причинные, идущие от высшего уровня к низшему, когда исходным является уровень актуализированных значений, и интерпретативные отношения, которые следует признать двухсторонними (от высшего уровня к низшему и наоборот) [12, с. 108]. Постулирование причинных отношений мотивировано общей методологической позицией Г. Гийома, предполагающей мыслительную

реконструкцию виртуальной языковой реальности (языковой системы) через «видимую», актуализированную [5, с. 21-23].

С проблемой знака тесно связан вопрос о природе значения. Значение, выражаемое словом, есть содержание соответствующего знака. «Рассуждать о значении самом по себе, в отрыве от его носителя, практически невозможно. Ведь значение – сущность идеальная, не данная нам в непосредственном наблюдении. Носителем значения выступает знак – сущность, в отличие от значения материально-идеальная» [7, с. 30]. Общественно установленное системное (лексическое) значение – это информация, связываемая с данным знаком конвенционально (условно), согласно общепринятым правилам употребления этого знака в качестве средства передачи информации [21, с. 75].

В языковой системе лексический знак обладает значимостными свойствами и валентностными потенциями, которые находятся в виртуальном состоянии в области мыслимого, то есть в знаке проявляется его виртуальное обобщенное, моносемичное, потенциальное значение. Последнее вместе со всеми потенциальными значениями представляет значимость знака, она свойственна ему только в языковой системе, в которой слово-знак однозначно, а в речи – многозначно, поскольку «различные варианты расширенности (*extensité*) или, лучше растяженности (*tensité*) (...) содержаться в каждом слове на речевом уровне» [5, с. 157]. На оси движения мысли «общее → частное → общее» системное значение слова локализуется в позиции частное. Универсализация и сингуляризация слова представляют изменения не его формы, а «размера» (растянутости) его содержания, зафиксированного как итог речемыслительной деятельности результативного и процессуального планов [12, с. 108]. Значение одной системной формы предполагает определенный диапазон контекстных значений в речи [5, с. 83]. Роль языка состоит в представлении для речи на основе имеющихся в системе форм большего или меньшего выбора контекстных значений. В этом случае семантическую структуру знака в речи можно представить как двуслойное образование, состоящее из сигнификативного (семасиологического) и денотативного (смыслового) значения. Взаимоотношение этих значений знака регулируется речевыми намерениями говорящего, контекстом высказывания, когда, например, оба значения могут совпадать. Разница между концептом и языковым значением состоит лишь в

том, что языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, концепт может «овнешняться» на основе альтернативных знаковых систем, таких как жест и мимика и др. [18, с. 13].

Э. Бенвенист подчеркивает, что «для нужд анализа допустимо рассматривать две стороны знака по отдельности, но по отношению к процессу означивания знак всегда остается целостной единицей» [1, с. 87]. Такое разграничение языковых и речевых значений основывается на двух лингвистических реальностях: виртуальной (потенциальной) – языковой и актуализированной – речевой. В речевой деятельности свойства языка и речи не суммируются, а интегрируются [5, с. 37]. Таким образом, язык и речь выступают как результативный, процессуальный, динамический способы работы мышления. Если согласиться с двойственностью объекта лингвистики (языка и речи) и соответственно с разграничением языковых и речевых значений, то двухуровневая теория значения, принятая в когнитивистике, отдельными учеными может быть переформулирована как трехуровневая: концептуального, языкового и речевого. При этом концептуальное и языковое значение являются виртуальными, а речевое актуализированным. Системное описание трехуровневой интерпретации (концепта – языкового значения – речевого значения) может быть понято двояко: как определенная методология анализа, позволяющая построить соответствующую систему, и как концептуальный анализ (реконструкция) этой системы [12, с. 105].

Система языка структурирована по позиционному принципу, и позиция компонента (знака) определяется по его сигнификативному (понятийному) значению. В употреблении оно (значение) выступает как тот или иной актуальный (речевой) смысл, как информация, связываемая с данным знаком в сознании носителя языка в определенный период времени в определенном контексте (ситуации) [10, с. 13]. Именно при таком подходе происходит взаимодействие языковых и речевых значений. Материальным субстратом такого взаимодействия является понятие оперативного времени, введенное в лингвистический обиход Г. Гийомом, которое дает возможность аналитически представить в динамике когнитивных оце-

раций взаимодействия семасиологических (системных) и смысловых (денотативных, речевых) значений. Взаимоотношение этих значений складывается в субъективном процессе актуализации. Идеальный образ – это виртуальное значение. Обозначение реального предмета или явления – это сфера актуализированного (речевого) значения. Виртуальное и актуализированное значения отличаются от соответствующего концепта тем, что он включает в себя не все компоненты, в нем исключаются, например, экспрессивные, коннотативные и разного рода субъективные наложения. В речи, когда знак реализует номинативно-референциальную функцию, в рамках единого знака интегрируются сигнификативное и смысловое значение, возможно полное или частичное соответствие/несоответствие сигнификативных и смысловых значений. В этом случае явления симметрии/асимметрии свойственны содержательной сфере (означаемому) знака, которая является двухслойной. Оба значения знака находятся в отношениях дополнительного соответствия, представляющего фундаментальное свойство его организации. Согласование (соответствие) сигнификативного и смыслового значений знака определяет не только потенциально-речевые, но и внутрисистемные свойства знака. Если рассматривать соответствие не как «нечто замкнутое, самодовлеющее в себе», а как динамическую характеристику отношений между означаемым и означающим, то соответствие / несоответствие означающего и означаемого не только определяет позицию знака в поле языковой системы, но и указывает на отношение знаков друг к другу, т.е. на их значимость. Языковая система объединяет знаки с **экстремальным соответствием / несоответствием** означающего и означаемого. Знаки с **постоянным соответствием / несоответствием** становятся также фактом **языковой системы**. Очевидно, при полном соответствии как означаемое, так и означающее отвечают сущности определенной лингвистической категории, такой знак концентрирует основные категориальные признаки и располагается в **центре** соответствующего поля языковой системы. Существует зависимость между степенью такого соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы, их значимостью. Это предполагает взаимное согласование существенных сторон объекта, их взаимодействие, качественную определенность в строении знака. Соответствие как отношение вклю-

чает в себя момент изоморфизма, так как всякое взаимодействие имеет место благодаря некоторому единству сторон. Как правило, соответствие охватывает согласование всяких изменений плана содержания и плана выражения [14, с. 26-27]. По-разному объясняют соответствие в языковом знаке Ф. Соссюр и Г. Гийом. Для Ф. Соссюра соответствие – это отношение означаемого и означающего в билатеральном языковом знаке, переход от языкового значения (плана содержания и плана выражения (*signifié de puissance*) к речевому (*signifié d'effet*) [19, с. 147]. Г. Гийом представляет это следующим образом *signifié de puissance* → *signe* → *signifié d'effet* [8, с. 264]. Соответствие означаемого означающему по Г. Гийому основывается не на его материальности, а на условиях согласования совсем другого характера. Речь идет о согласовании психической (ментальной) и семасиологической систематизации для достижения наилучшего выражения. Именно на этих уровнях современная когнитология говорит о концепте. Согласование языкового и речевого значений происходит в рамках знака, а знаковая симметрия / асимметрия устанавливается изначально в пределах означаемого, а не при согласовании самого знака и означаемого. Форма знака остается консервативной, динамично его содержание. Согласование плана содержания и плана выражения определяет не только потенциально-речевые, но так же и внутрисистемные свойства знака. Другими словами, существует определенная зависимость между степенью соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы. При этом само соответствие становится системообразующим признаком – главным ориентиром при определении структуризации единиц одного уровня языковой системы [13, с. 19].

При анализе отношения означаемого и означающего знака постулируется существование **прототипического знака**, который называет основной концепт, с полной симметрией двух сторон знака. Прототип имеет подтиповые знаки, в которых отмечается некоторое несоответствие означаемого и означающего, что маркирует определенную позицию на некоторой периферии от центра. При рассмотрении связи знаков с высшими когнитивными процессами необходимо учитывать принцип общности, предполагающий движение мысли от понятия к понятию. Динамика мысли фиксирует значение знака: его означающее представляет определенную лингвистическую ка-

тегорию слова, и форма знака воспринимается как итеративный компонент в пределах определенной лингвистической категории [25, с. 225]. Такое представление не противоречит сложившимся теориям, например, систематизации лексики в поле с центром и периферией. Не затрагивая сути такой систематизации в различных научных парадигмах, отметим, что полевая систематизация входит в общую теорию организации языковой системы [11, с. 6-10].

Одно из открытий когнитивной науки состоит в том, что в основе категоризации, ключевого процесса познавательной деятельности человека, лежит не жесткий принцип прототипичности, предполагающий рассмотрение категории в единстве центральных (прототипических) и периферийных признаков. Центральные признаки образуют содержательное ядро слова, его прототип, который остается неизменным, несмотря на наличие других актуальных значений. Содержание слова, взятого вне конкретной знаковой функции, может мыслиться как прототипическое – концептуальное, интерпретация которого связана с некоей формализацией – параметризацией с помощью понятий схема, сценарий, модель [8, с. 188]. Поскольку «когнитивный уровень предполагает выход за пределы собственного языкового знания» [2, с. 13], концептуализация соотносительных прототипических единиц, единиц языковой системы и речи, разная. В когнитивистике различие между прототипическими значениями слова и его знаковыми вариантами нашли воплощение в так называемой двухуровневой теории значения, концептуального и семантического. Прототипическая организация значения в естественных языках, характеризующаяся отсутствием четких границ между различными лексико-семантическими группами, некоторой размытостью семантики словесных знаков, и тем самым оптимальным образом удовлетворяет таким принципам прототипичности, как гибкость, нежесткость и вместе с тем структурная стабильность. Ряд исследователей признают, что языковое (сигнификативное) и речевое (смысловое) значения реализуются в рамках основного прототипического концепта, обладающего общей категориальной функцией. Этот подход дает возможность обратить внимание на особенности полевой структуризации языковой системы и на разграничение таких знаковых характеристик как *значение* и *значимость*. В области мыслительных операций присутствует концепт как обобщенный, закрепленный общественной

практикой «продукт» коллективного сознания. Значимость, которую Ф. Соссюр рассматривал как содержание отношения между знаками в языковой системе, содержит также информацию о потенциальных свойствах знака в речи, их возможной однозначности / многозначности. Языковая и речевая однозначность различаются как обобщенное и конкретное значения, которые имеют разную референтную ориентацию. Естественно, явление полисемии относится к области речи, которая представляет не только актуализированный (функциональный) уровень, но также и виртуальную систему.

В своей теории психосистематики Г. Гийом использует методику «позиционной лингвистики». Сущность этой методики заключается в представлении каждого явления в первую очередь с точки зрения его развертывания по горизонтали (продольное развертывание) и в проведении его анализа в том виде, в каком это делает само мышление, т.е. с помощью поперечных сечений произвольного развертывания [5, с. 53].

По мнению ведущих специалистов-семасиологов, важнейшим вкладом в современную теорию значения является концепция прототипического структурирования семантических категорий. Онтология окружающего мира отражена в сознании человека в виде категорий, к каждой из которых относится известная группа объектов окружающего мира. К актуальным проблемам семасиологии можно отнести анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. Соотношение универсального и идиоэтнического в различных языках тесно связано с проблемой взаимоотношения языка и мышления и поэтому интересует ученых, работающих в области психологии, логики, языкознания.

В лингвистической традиции установился подход к человеческому языку как состоящему из двух языков: один – точный, близкий к логике, общий для всех людей, другой – своеобразный у каждого народа [20, с. 108]. В формировании этого своеобразия не последнюю роль играет процесс восприятия и в буквальном, и в переносном смысле. Многочисленные исследования по теории номинации, по теории референции показали, что референтный мир и мир воспринимаемый не перекрываются полностью, так как восприятие не лишено избирательности.

Задачей когнитивной лингвистики является исследование познавательной ценности языковых объектов как инвентарных единиц языка. Рассматривая струк-

туру поля, мы должны отметить, что исследуемое нами лексико-семантическое поле **восприятия** имеет свои подсистемы, пять микрополей в соответствии с пятью органами чувств – зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом. Оно относится к моноцентрическому типу и организовано иерархически, у него есть доминанта или идентификатор, который по своему объему шире значений других слов, входящих в СП, он охватывает по смыслу все элементы низших уровней. В семантическом содержании членов СП имеется сема, являющаяся общей для всех входящих в его состав лексических единиц, в нашем случае это сема «воспринимать», она и служит основанием для полевого объединения слов и называется интегральной, теоретически она в наиболее чистом виде находит свое выражение в содержании идентификатора [16, с. 10]

Как средство познания объективного мира, глаголы восприятия сближаются в этой функции с языком в целом, поскольку мир можно познавать двумя путями: через рецепторы (предмет биологии) и посредством языка. К основным репрезентантам сенсорных областей в западно-романских языках (французском, итальянском, испанском) мы относим глаголы: fr. *voir*, esp. *ver*, it. *vedere*; fr. *regarder*, esp. *mirar*, it. *guardare*; fr. *entendre*, esp. *oir*, it. *sentire*; fr. *écouter*, esp. *escuchar*, it. *ascoltare*; fr. *sentir*, esp. *oler*; fr. *goûter*, esp. *probar*, it. *assaggiare*; fr. *toucher*, esp. *tocar*, it. *toccare*. Эти обществено закрепленные формы на уровне языка, которыми обозначены элементы сенсорного опыта (операции восприятия и осознания), составляют прототипическое ядро глагольной системы восприятия, так как «языковыми прототипами в нашем сознании являются понятия наиболее выделенные психологически» [8, с. 65]. Это глаголы с экстремальным соответствием двух сторон знака. Вокруг них группируются все остальные, относящиеся к данной (перцептивной) категории объекты, при этом согласно наличию / отсутствию важнейших категориальных признаков эти объекты располагаются ближе или, соответственно, дальше от центра [26, с. 343].

Если учитывать позиционный принцип организации семантического поля, то все лексические единицы, входящие в ядро соответствующего поля, относятся к языковой системе и имеют экстремальное соответствие двух сторон знака, означающего и означаемого, плана выражения и плана содержания.

Полевой метод описания лексического состава языка позволяет систематизировать лексические еди-

ницы с общим компонентом «восприятие» и представить позицию этих единиц внутри поля в зависимости от близости / дальности их расположения от ядра. Важным для концепции СП являются понятия центра поля. Центр поля представляет собой участок сосредоточения основного семантического потенциала поля, он включает остальные единицы, покрывающие сферу восприятия, не вошедшие в ядро. В центре сосредотачиваются основные идиознические явления, которые, возможно, нарастают по мере удаления лексических единиц от центра. Третий круг, периферия (ближняя, дальняя, крайняя) семантического поля глаголов восприятия, это постепенные переходы от одних уровней организации поля к другим, частичные пересечения, общие сегменты. В периферийных зонах наблюдается неполный набор их признаков и возможное их ослабление в наиболее удаленных от ядра участках поля [15, с. 106]. Исследование семантического поля глаголов восприятия показало, что между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций, часть функций приходится на ядро, часть – на периферию. На периферии поля восприятия находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями. Границы между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии размыты, нечетки, конститuentы поля могут принадлежать ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот. Положение каждого элемента в СП глаголов восприятия можно определить следующим образом: чем больше дифференцирующих сем включает элемент, тем он дальше отстоит от центра. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов. Глаголы восприятия, реализующие смешанные или неперцептивные значения, относятся к периферии СП, они уходят в область речи.

Описание отдельных лексико-семантических полей на основании парадигматических отношений входящих в него слов можно рассматривать как этап в познании системной организации словарного состава языка, поскольку семантические связи слов в парадигматическом плане подчиняются определенным закономерностям, благодаря которым возможен переход от описания отдельных лексико-семантических полей к выявлению системной организации всего словарного состава.

К актуальным проблемам семасиологии можно отнести анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. Со-

отношение универсального и идиоэтнического в различных языках тесно связано с проблемой взаимоотношения языка и мышления.

При межъязыковом сравнении эталоном является набор определенных семантических признаков. Если набор сем, получаемых при разложении значений слов на элементарные семы, считать универсальным, то, с точки зрения теории семантических признаков эквивалентными являются лексические единицы двух языков, обладающие тождественным или по крайней мере в значительной степени сходным составом сем. Сравнительное изучение языкового отражения референциального мира в романских языках посредством изучения семантического поля глаголов восприятия может быть плодотворным для решения проблемы типологических сходств и различий родственных языков, так как при наличии значительных совпадений легче проследить степень своеобразия каждого отдельного языка, различия в функции генетически тождественных элементов и т.д.

Рассматривая типы соответствий между значениями слов в родственных языках, Р.А. Будагов отмечает: «Лексические соответствия так же, как и лексические несоответствия между родственными языками выступают как проблема исторически и лингвистически гораздо более конкретная, более очевидная. Вместе с тем проблема эта сложна ввиду ее недостаточной разработанности» [3, с. 230]. Исконный словарный фонд, общий для всех родственных языков, является сходным, сформировавшись из единого источника, слова родственных языков впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что не позволяют говорить о семантическом и стилистическом единстве лексем. Латинское наследие в лексике восприятия романских языков не сводится лишь к материальной стороне. Зависимость романского лексико-семантического типа от латинского источника сказывается и в организации словаря, в частности, в его парадигматическом основании. В соответствии с генетическим прототипом СП глаголов восприятия в трех романских языках опирается на систему гиперо-гипонимических связей, образующих парадигматическую ось данной группы, на фоне этой оси можно дать объяснение некоторым сдвигам, которые имеют место в лексико-семантических позициях отдельных глаголов изучаемой группы, примером может служить эволюция латинского глагола *sentire*, которому в латин-

ском языке принадлежала функция идентификатора, т.е. слова, воплощающего в себе на парадигматической линии основные признаки глаголов семантического поля восприятия [23, с. 10]. В самом начале формирования романских языков глаголы восприятия приняли в своем развитии направление в сторону «от латинских прототипов», сложились языковые ситуации, характеризующиеся дивергентным развитием будущего семантического потенциала сенсорных глаголов, вызванного факторами, достаточно хорошо описанными в романистике [9, с. 60-61].

Смысловые потенции исследуемого глагола показывают высокую степень подобия со всем полем не только в плане общей ориентации, но и с точки зрения способа организации его семантики. Выразитель обобщенных свойств поля, латинский глагол *sentire* является семантически более емким и функционально более мощным, чем любой другой член поля в отдельности. В его семантической структуре отражены существенные организационные черты представляемого им поля. Являясь **главным репрезентантом** СП глаголов восприятия в латинском языке, он «цементирует подсистему, обнимая, подобно своеобразной скрепе, ее наиболее характерные признаки» [4, с. 20].

В западно-романских языках продолжателями латинского *sentire* являются fr. *sentir*, it. *sentire*, esp. *sentir*. Известно, что генетическое родство не предопределяет автоматически структурно-типологического сходства, причем расхождения между языками могут касаться их разных сторон, в связи с чем возникает вопрос об общей типологии этих расхождений, которые определяются характером выбора, аспектом языковой реализации.

Глагол *sentir* во французском языке имеет следующие значения, с. 1) v.tr. чувствовать, ощущать, испытывать; 2) сознавать, понимать; 3) нюхать, обонять; 4) отдавать, припахивать; 5) v. intr. пахнуть чем-л., отдавать; 6) чувствоваться, ощущаться; 7) чувствовать себя; 8) se faire sentir; 9) чувствовать в себе что-л.; 10) не выносить кого-л. [17, с. 1005].

Итак, из десяти приведенных значений французского глагола восемь относятся к СП глаголов восприятия, одно значение относится к сфере интеллектуальной деятельности и последнее – к семантическому полю эмоций. Исследование показало, что объем семантической структуры у французского глагола в сравнении с латинским намного сократился:

у него остались значения, относящиеся к микрополям обоняния, осязания, вкуса, значения, относящиеся к микрополям зрения и слуха исчезли. Тем самым глагол fr. *sentir* по парадигматической линии перешел на более низкий уровень организации.

Аналогичный испанский глагол имеет следующие значения:

Sentir v.tr. 1) чувствовать, ощущать; 2) чувствовать, испытывать (радость, ненависть); 3) слышать воспринимать; 4) быть чувствительным (о растениях); 5) огорчаться, сожалеть, переживать; 6) судить, иметь мнение; 7) чувствовать, понимать; 8) предчувствовать, предвидеть [6, с. 697].

У итальянского *sentire* в «Новом итальянско-русском словаре» [1995] отражены следующие значения:

1. vt 1) чувствовать, ощущать, испытывать; 2) понимать, сознавать; 3) слушать; fig 'выяснить настроение (замыслы кого-л.)'; 4) слышать; 5) слушаться (+G); следовать (+D); 6) чуют, предчувствовать, предвидеть; 7) пробовать; 8) узнать, спросить, посмотреть.

2. vi (a) 1) судить, считать; 2) (de qc) отдавать, припахивать (+S); иметь вкус (привкус, запах); 3) (di) походить, смахивать (на +A) [22, с. 821].

Семантический объем исследуемого итальянского глагола оказался более полным, чем у его французского и испанского аналогов, у него сохранились практически все значения латинского этимона. К значениям, относящимся к семантическому полю интеллектуальной деятельности, добавились новые значения, относящиеся к эмоциональной сфере и ко всем пяти микрополям чувственного восприятия. Глагол *sentire* в значении 'слушать' стал гиперонимом микрополя слухового восприятия в итальянском языке. Анализ показал, что итальянский глагол по сравнению с испанским и французским глаголами более всего близок к своему латинскому прототипу.

Итак, сопоставительный анализ семантики глаголов, восходящих к латинскому глаголу *sentire* в трех западно-романских языках, выявил у продолжателей этого глагола сокращение семантического спектра, которое коснулось в основном микрополей зрительного и слухового восприятия. В итальянском и ис-

панском языках значение 'видеть' практически не репрезентировано, но они сохранились в микрополях обонятельного, осязательного и вкусового восприятия, более устойчивыми они оказались во французском и итальянском языках (см. словари Dubois 1966; Quillet 1955; Robert 1993; Garzanti 1965; Migliorini 1975). Р.А.Будагов, опираясь на данные толковых и двуязычных словарей, письменные тексты разнообразных жанров, установил, что в сопоставляемых языках у этого глагола существует определенная последовательность основных, наиболее частотных значений:

Fr. *sentir* 1) чувствовать; 2) пахнуть;

It. *sentire* 1) слышать (гипероним); 2) чувствовать;

Esp. *sentir* 1) чувствовать; 2) слышать [27, с. 237].

Как видим, в западно-романских языках продолжатели исследуемого глагола переходят на более низкий иерархический уровень той же парадигматической линии.

Итак, мы можем сделать следующий вывод, что в способах воплощения сопоставляемых полей в разных романских языках проявились резкие отличия как в качественном отношении, так и в количественном. Во многих случаях произошла утрата исконных материальных элементов, полного совпадения между семантическими возможностями латинского глагола и его романскими продолжателями не обнаруживается. В западно-романских языках у исследуемого глагола произошло сокращение семантического спектра, значение 'понимать' было резко ослаблено, оно начало передаваться другими латинскими глаголами, разными в разных языках. Самые частотные лексические единицы семантического поля восприятия в латинском языке в значительной части явились этимонами глаголов восприятия в исследуемых новороманских языках, но без сохранения старинной филиации значений, характерных у них в латинском.

Если обратиться в итальянскому языку на речевом уровне, то в табл. 1 на примере итальянского глагола *sentire*, входящего в различные фразеосочетания, показано, насколько под влиянием внутренних и сочетательных факторов способен измениться семантический объем данной лексемы.

Семантические связи итальянского глагола *sentire*

Итальянский язык	Французский язык
Sentire il caldo	Sentir la chaleur
Sentire un rumor	Entendre un bruit
Sentire: sentimi bene	Ecouter: écoute-moi bien
Sentire : cosa ti è	Ecouter: qu'est-ce qui t'arrive,
Successo, sentiamo !	raconte (nous t'écoutons)
Sentire: sentiamo di che si tratta	Voir: voyons, de quoi il s'agit
Sentire: senti come и buono questo pane	Goûter: goûte ce pain, tu verras comme il est bon
Sentire: sentir el polso	Tâter: tâter le pouls
Sentire: sentire di chiuso	Sentir: sentir le renfermé
Sentire: dovresti sentire un medico	Consulter: tu devrais consulter un médecin

Из таблицы видно, что исследуемый итальянский глагол в составе разных фразеосочетаний соответствует семи разным французским глаголам, т.е. он сверхсинкретичен и соотносится не с тремя, как во французском языке, а со всеми пятью сенсорными сферами, таким образом объем значения слов родственных языков может частично совпадать, частично различаться. Итальянский глагол *sentire* более всего близок к своему латинскому прототипу.

Первый тип соотношений между значениями слов в родственных языках наблюдается в том случае, когда в силу разных обстоятельств позиция той или иной лексической единицы в одном из родственных языков смещается от центра поля к периферии или наоборот, от периферии к центру, а в других случаях она остается на своем месте, в результате чего в родственных языках происходит процессы дивергенции, расхождения значений исследуемых единиц. При переходе от языка-основы к дочерним языкам у перцептивных глаголов происходят различные семантические преобразования: рокировка, обмен ролями основного лексического репрезентанта (гиперонима) и дробного лексического репрезентанта (гипонима). Так, менее важный, дробный элемент в латинском языке становится основным в одном из новороманских языков, как, например, испанский глагол *mirar*; во французском же языке он остается дробным: примером тому является глагол (*se*) *mirer*. Дробный репрезентант – lat. *intendere* приобретает основное значение в своем продолжателе французском глаголе *entendre*. Выявляется и противоположная тенденция, с. основные члены поля перемещаются в разряд дробных, неосновных. Так, основной репрезентант сферы слухового восприятия lat. *audire* 'слышать' в итальянском языке представлен дробным *udire*, а ос-

новным репрезентантом в этой группе становится глагол *sentire*.

В языке не только слова образуют систему, но и различные значения внутри полисемичных слов тоже формируют своеобразную систему. Чтобы истолковать каждую микросистему многозначного слова, нужно обратиться к макросистеме всей лексики исследуемого языка. Так, на вопрос, почему итальянское *sentire* означает прежде всего 'слышать', а французское 'sentir' не имеет такого осмысления, ответ надо искать в глаголах – конкурентах, вступающих в те или иные контакты и оппозиции с интересующим нас lat. *sentire*. В частности латинский глагол *intendere* 'натягивать' во французском языке приобрел значение 'слышать' *entendre*, а в итальянском – 'понимать'. У итальянского *intendere*, первоначально шагавшего в ногу с французским *entendre*, позже значение 'слышать' ослабло, и, соответственно, освободившееся значение занял глагол it. *sentire* 'слышать', что привело к семантической оппозиции lat. *sentire* – *intendere*. В реальном функционировании языка оппозиции обычно бывают многоплановыми. Одно слово противостоит и взаимодействует со многими словами одновременно [3, с. 238].

Если рассматривать глаголы с точки зрения их эпидигматических свойств, то фокус внутри этой структуры может перемещаться, образуя историческую траекторию ее семантической эволюции, что и произошло вследствие преобразования латинской лексики в лексику романских языков. Так, испанский глагол *catar* демонстрирует следующую траекторию: от lat. *captare* 'chercher à saisir' (пытаться воспринимать смысл), к 'chercher à percevoir par les sens' (пытаться воспринимать чувствами), от него к старо-испанскому слову имеющему значение 'regarder' (смотреть),

и к современному, основным значением которого является 'goûter (пробовать). Таким образом произошло перемещение фокуса от одной перцепции к другой: от мыслительного акта – к акту широкой перцепции, затем к зрительной перцепции и, наконец, к вкусовой, с возвращением к зрительно-мыслительному акту в производном глаголе esp. *percatarse* fr. 's'apercevoir, *se rendre compte*' (заметить, отдавать себе отчет) [2, с. 69]. Этот пример является примером межмодусной внутриязыковой полисемии: мысль-восприятие-зрение-вкус-мысль.

Основным критерием выделения **межъязыковых эквивалентов** при сравнении ЛЕ исследуемых языков является соответствие плана выражения лексической единицы плану ее содержания, т.е. семантико-структурный параллелизм. Но поскольку большинство глаголов восприятия многозначны, объем значения анализируемых слов в исходном языке может частично совпадать, частично различаться с лексическими единицами в сопоставляемом языке.

Несмотря на то, что изучаемое лексико-семантическое поле характеризуется в западно-романских языках признаками многообразной общности, между тем слова родственных языков, сформировавшись из единого источника, впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что не позволяют говорить ни о семантическом, ни о стилистическом единстве лексем, с генетической точки зрения, казалось бы совершенно однородных. Когнитивная цепочка афферентных или ингерентных связей между семемам одного и того же полисемичного глагола в разных языках не совпадает по причине разных отношений внутренней зависимости между семемами. Полисемия – результат различной интерпретации воспринимаемого объекта или понятия. Она в большей степени свойственна французскому языку в силу имманентного характера ее лексики [27, с. 144]. Сопоставление многозначных слов во французском языке с их переводными эквивалентами в итальянском и испанском показывает, что минимальный контекст и сочетаемость в речи дает возможность выявить актуальное для каждого контекста значение. Так, например, французский глагол *sonner* во франко-итальянском словаре дает четыре итальянских переводных соответствия *suonare, scoccare, squillare, chiamare* [24, с. 931]. Рассмотрим французский глагол *sonner* и его итальянские переводные соответствия.

Sonner 1) *suonare, c. fr. les cloches sonnent à toute*

volée, it. le campane suonano a distesa; fr. on sonne à la porte it. suonano alla porta;

2) *scoccare, c. fr. minuit vient de sonner it. è appena scoccata la mezzanotte;*

3) *squillare, c. fr. le téléphone sonne sans arrêt it. il telefono squilla ininterrottamente;*

4) *chiamare, c. fr. – Madame a sonné ? it. – La signora a chiamato?*

У французского глагола *retentir* проявляется та же тенденция, в итальянском языке ему соответствует три глагола, с. *echeggiare, riecheggiare, risonare* [там же, с. 874].

Так, в примере fr. *Le théâtre retentissait d'applaudissement*, глаголу *retentir* соответствует итальянский глагол *echeggiare*, и французское предложение переводится как *it. 'il teatro echeggiava di applausi'*.

Иное соответствие исследуемой лексической единицы мы видим в следующем примере, с. fr. *Un coup de fusil a retenti dans le bois. It. Una fucilata è riecheggiata (risonata) nel bosco* [там же, с. 874].

Французский глагол *craquer* переводится на итальянский язык как *crocchiare scrocchiare* и *scricchiolare, c. fr. parquet qui craque, it. parquet che scricchiola; fr. pain qui craque sous la dent, it. pane che crocchia sotto i denti; fr. faire craquer les doigts, it. 'far scrocchiare le dita'* [там же, с. 255].

Явление дивергентности у глаголов восприятия выражается также в появлении новых значений у отдельных глаголов в одних языках и их отсутствия в других. Так, глагол *accrocher* (производное от *croc* 'крюк'), согласно нормативным словарям, относится к переходным (*accrocher qch à un clou*) и имеет значения: 1) *вешать*, 2) *достать, получить*, 3) *зацепить*. Однако в связи с характерным для него современным употреблением сформировались новые значения, в частности сенсорное значение: *accrocher l'attention de qn* 'привлекать внимание к-л. (публики, слушателей)'. Этого значения нет ни у испанского эквивалента *enganchar*, ни у итальянского *appendere*.

Таким образом, анализируя типы лексических и фразеологических соответствий в родственных языках, мы выявляем национальную специфику их семантики, отражающую языковую картину мира этноса. Исследование межъязыковой эквивалентности требует анализа типологии лексических значений как инструмента комплексных семантических разработок. Основная масса современных типологичес-

ких досліджень може бути названа типологією підсистем – окремих рівнів або категорій.

Структура поля глаголів восприяття дозволяє здійснити сопоставительні штудії з метою виявлення еквівалентів, переводних відповідностей і лакун. Розглядаючи ці положення, слід звернути увагу на те, що система в семасіології виступає як система протирічлива, часто асиметрична, вона постійно порушується внутрішнім рухом.

Основною одиницею розвитку лексико-семантичної структури мови є відношення номінації: позначачого і позначаного. Однак при зміні сигніфіката можливі зміщення на рівні денотата. У глаголів, відволечених іменних і оцінних прикметельних межі сигніфікатів особливо збігаються, що призводить до легкості зміни їх значення і виникненню асиметрії [4, с. 5-6].

Онтологія оточуючого світу відображена в свідомості людини у вигляді категорій, до кожної з яких відноситься відома група об'єктів, певним чином організованих і структурованих. Центром категорії є прототипи. Навколо них групуються всі інші об'єкти, що належать до даної категорії, при цьому відповідно наявності/відсутності найважливіших категоріальних ознак ці об'єкти розташовуються ближче або далі від центру. Проблематика категоризації світу засобами романських мов надає широкі перспективи для глибшого аналізу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Бенвенист Э. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с. 2. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности / Болдырев Н.Н. // Когнитивная семантика : мат-лы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (11-14 сентября 2000 г., Тамбов). Т. : Изд-во ТГУ, 2000. – С. 11-17. 3. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека / Будагов Р.А. – М. : Добросвет, 2000. – 304 с. 4. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь / Гак В.Г., Ганшина К.А. – М. : Русский язык, 1990. 5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Гийом Г. – М. : Прогресс. Культура, 1992. – 224 с. 6. Зорько Г.Ф. Новый итальянско-русский словарь / Зорько Г.Ф., Майзель Б.Н., Скворцова И.А. – М. : Русский язык, 1995. 7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / Кобозева И.М. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / [Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.]. – М., 1996. – 248 с. 9. Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков / Макаров В.В. – Минск, 1972. – 390 с. 10. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие». на материале английского, русского и французского языков / Мерзлякова А.Х. – М. : УРСС, 2003. – 352 с. 11. Минкин Л.М. Аспекты когнитивно-лингвистической парадигмы / Минкин Л.М. // Структурно-семантичні і когнітивно-дискурсивні парадигми сучасного романського мовознавства : матеріали Першої Всеукраїнської наукової конференції романістів 5-6 жовтня 2006 року. – Чернівці, 2006. 12. Минкин Л.М. К проблеме соотношения мышления, языка и речи // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна / Л.М. Минкин, С.А. Моисеева. – Харків : Вид-во Харків. нац. ун-ту, 2004. – № 635. – С. 103-108. 13. Минкин Л.М. Некоторые вопросы языка и речи / Минкин Л.М. // Вісник Київ. лінгв. ун-ту. Серія Філологія. – Т. 1., № 2. – К., 2000. 14. Минкин Л.М. Соответствие как отношение и принцип в организации языковой системы / Минкин Л.М. // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод : тезисы докладов и сообщений. – Орел, 1987. 15. Моисеева С.А. Глаголы восприятия и дейксис / Моисеева С.А. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 3(5). – СПб : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 106-115. 16. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / Моисеева С.А. – Белгород : изд-во БелГУ, 2005. – 264 с. 17. Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь / Нарумов Б.П. – М. : Русский язык, 1995. 18. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003 – 58 с. 19. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Соссюр Ф. – М. : Прогресс, 1977. 20. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Степанов Ю.С. – М. : Наука, 1985. – 108 с. 21. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / Стернин И.А. – Воронеж : ВГУ, 1979. – 156 с. 22. Benaben M. Dictionnaire étymologique de l'espagnol / Benaben M. – P. : Ellipses, 2000. – 556 p. 23. Dauzat A. La géographie linguistique / Dauzat A. – P. : Flammarion, 1948 – 226 p. 24. Dictionnaire Garzanti Francese-Italiano, Italiano-Francese / Direzione da G. Cusatelli. – P. : Bordas-Milano, 1988. – 2029 p. 25. Guillaume G. Langage et science du langage / Guillaume G. – Paris – Québec : Presses de l'Université Laval, 1969. 26. Rosch E.H. Natural Categories / Rosch E.H. // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 326-350. 27. Togeby K. Structure immanente de la langue française, T.C.L.C., VI / Togeby K. – Copenhagen: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1951. – 282 p.